

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

О.М. Ломако

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
Астраханская ул., 83, Саратов, Россия, 410012

Статья посвящена философскому рассмотрению антропологического кризиса общества риска в его исторической трансформации. Исследование направлено на антропологический анализ общества риска с целью выявления его новых особенностей в современную эпоху. Как методологический принцип исследования автор определяет различие антропологического и космологического принципов в философии. Речь идет о их сложной взаимосвязи и противоречивости в развитии цивилизационного процесса. Антропологический кризис становится очевидным, когда в эпоху модерна общество становится обществом риска. В статье раскрывается причина антропологического кризиса общества риска: общественное производство богатства становится производством рисков. В XXI в. появляется «мировое общество риска» (Ульрих Бек), что связано с процессом глобализации. Методология исследования риска предполагает необходимость предвидения непредсказуемого. Основная трудность в анализе риска заключается в том, что риск находится между определенностью и неопределенностью, между рациональным и нерациональным. Две тенденции — рефлексивность неизвестного и космополитический момент — указывают на глобальное изменение общества в XXI веке, приоритетом которого становится безопасность. В исторической и социально-философской перспективе безопасность понимается как концепт, который вмещает в себя целостность, сохранность, неприкосновенность, невредимость относительно телесности, жизни и собственности. В условиях современного антропологического кризиса безопасность стала основным ценностным понятием социально-политического языка. Логика однозначности уступает место логике многозначности, которая находит свое выражение в соединении общества риска с космополитизмом. «Космополитический момент» мирового общества риска предполагает признание уникальности Другого как возможность преодоления антропологического кризиса.

Ключевые слова: антропология, философия, Ульрих Бек, общество риска, гуманизм, кризис, безопасность

В XX—XXI вв. усиливается внимание к осмыслению судьбы человека в обществе риска. Особенно актуальной становится проблема антропологического кризиса и его последствий для будущего человечества. Для осмысления истоков антропологического кризиса в обществе риска необходима определенная методологическая установка. Думается, что, прежде всего, речь должна идти о различии антропологического и космологического подходов в ходе цивилизационного процесса. Зададимся вопросом: «Чем отличается космологическое понимание мира от его антропологического понимания?». Прежде всего, тем, что космологический мир, в отличие от антропологического, включает в себя *всё* — это некая тотальность, универсум, напряженное единство единого и многого. В исторической перспективе именно космологический подход в философии и в культуре как раз

и есть путь к глобализации. «Антропологический мир», в отличие от «мира космологического», есть «жизненный мир», который всегда конкретен. Это — мир мужчин и женщин, мир детей и взрослых, мир американцев, мир русских и т.д. К тому же он постоянно меняется. Мартин Хайдеггер не случайно назвал его темпоральным, временным. Именно эта темпоральность дает возможность видеть другие миры, избежать центрации на своем собственном мире.

В цивилизационном процессе нарастает расхождение антропологизма и космологизма. В Новое время человек становится «человеческим материалом», из которого можно сделать все. Разум, свобода, гуманизм теряют свое антропологическое содержание, теряют человека. Вот тогда наступает понимание риска утраты человеческого, что становится мировоззренческой проблемой.

У. Бек считал, что вслед за индустриальным и постиндустриальным этапами развития общество превращается в «общество риска». При этом постоянное производство рисков становится вполне легитимным и является неизбежным следствием принятия решений [12. С. 161—162].

Свой анализ мирового общества риска У. Бек начинает с исторического экскурса зарождения рисков в восприятии и в осмыслении их человеком. Он отмечает, что опасность, угроза и неопределенность всегда сопровождали человеческое существование, в определенном смысле даже в большей степени, чем сегодня. Угроза болезни и преждевременной смерти, как отдельному человеку, так и его семье, угроза голода и эпидемий были в средневековье гораздо больше, чем сегодня. Именно поэтому следует принимать во внимание динамику самой семантики риска: с раннего периода Нового времени она была связана с понятиями, которые в процессе модернизации имели нарастающее значение: неуверенность, ненадежность, угроза, опасность меняют свою содержательную нагрузку.

Два лица риска — шанс и опасность — становятся темой осмысления в период индустриализации, начиная с межконтинентального морского сообщения. Риск представляет собой некие шаблоны восприятия и мышления, которые — открыто — противостоят блокированию самоконструирования будущего и больше не могут быть определены ни через религию, ни через традицию, ни через власть природы, ни через веру в целительное действие утопий.

Страх перед неопределенностью, который с самого начала раскрыл дух приключения, «дон-кихотство» риска, чувствуется до сих пор, только с новыми технологиями, в которых обетованное и роковое/гибельное переплетаются друг с другом, больше чем когда-либо. Не только Декарт, но и Сервантес, не только философия и естествознание, но и романтизм возводят амбивалентность риска модерна [5. С. 19—21].

Ведущая проблематика романтизма во многом противоположна просветительской, где речь шла о десакрализации, секуляризации культуры и достижении эмансипации и автономности субъекта. Романтизм направлен на преодоление последствий действия автономного субъекта культуры, сформировавшегося в эпоху Просвещения. Он появился как осознание противоречивости бытия и необходимости устранения его разорванности, и потому «дух противоречия»

присущ ему изначально. Не случайно основной проблемой романтизма становится проблема отчуждения. К. Маркс раскрывает всеобщность отчуждения через понятие отчужденного труда [15]. Г. Лукач называет свои юношеские произведения — прежде всего, «Проблемы теории романа» — продуктом романтического антикоммунизма, который символизирует амбивалентность романтизма: с одной стороны, — разорванность бытия в условиях индустриальных форм жизни, с другой стороны, — стремление к органическому единству [8. С. 10—11].

Формирование современного массового общества Ханна Арендт считает основной причиной зарождения тоталитаризма. В ее критике эпохи модерна понятие «отчуждение» становится первостепенным. «Нарастающие тенденции формализации, рационализации и стандартизации в развитых индустриальных обществах имеют для человека катастрофические последствия: они ведут к нивелировке личности, к потере индивидуальности и к анонимности, лишая человека возможности осуществлять подлинное человеческое бытие» [13. С. 23]. Х. Арендт называет это явление «мироотчуждением» (*Weltentfremdung*) и «расколдовыванием мира» (*Weltentzauberung*), за которыми скрываются романтизированные картины прошлого. Она связывает мироотчуждение с длительным процессом разрушения традиции, с кризисом воспитания, с нигилизмом, с культурной неукорененностью и с деградацией сферы политического до простой политики власти и интереса [3. С. 81]. В этих условиях человек неизбежно становится частицей безграничного технологического универсума, в котором идентичность выражается в регистрационных цифрах и порядковых номерах [9. С. 193].

У политически бесправного индивида повышается интерес к своей частной жизни и своей собственной судьбе, где всё зависит от случайных удач и везения. Так, высшей мерой какого-либо смысла персональной жизни становится случайность, что в дальнейшем инициирует появление понятия обывательской судьбы и затем рождение нового жанра — романа, где герой всегда вынужден подчиняться своей судьбе [11. С. 24—25].

Казалось бы, что относительно неопределенности риска для экзистенциального эксперимента не имеется альтернативы. Измерение опыта риска происходит через открытие, страдание, предчувствие непредсказуемого, страх, удовольствие, потрясение, дозированное приобщение к смерти, которые внедряют риск в повседневность, охватывая все бытие человека. Все это можно завершить высказыванием: «*Risiko*» ergo sum: я отваживаюсь, значит, я есть. Я страдаю, значит, я есть. Кто я? Почему я существую? Почему я именно тот, кто я есть, а не тот, кем я хотел бы быть? [5. С. 22].

В прогрессивном модерне общественное производство богатства осуществляется вместе с общественным производством рисков. Происходит парадигмальная смена понятий. У. Бек говорит о замене логики производства и распределения общественного богатства логикой производства и распределения рисков. «Чистая» наука оперирует категориями, идеями и смыслами. В обществе развитого модерна, в индустриальном обществе наука все больше приобретает прикладное значение в виде разработки и введения новых технологий, сопряженных с принятием

решений. Здесь речь идет уже не о «чистой» науке, а о людях. Развитие и введение новых технологий оказывается напрямую связано с проблемой политического обращения рисков, с их учетом и сокрытием в различаемых горизонтах будущего. При этом обещание уверенности растет вместе с нарастанием рисков, однако вопреки росту критически настроенной публичности, и потому должно постоянно подкрепляться «косметическим» или реальным вмешательством в процесс технико-экономического развития [4. С. 25—26].

В связи с этим, пожалуй, представляется уместным вспомнить высказывание Никласа Лумана об изменении временных горизонтов. Рассматривая время как «множитель противоречий», он отмечает возрастание противоречий, «когда в настоящем учитывается будущее... *Настоящее будущее* (курсив Н.Л.) есть мультипликатор противоречий. *Будущие настоящие*, напротив, открывают возможность что-то отложить на потом. Одна временная перспектива давит, другая — снимает или хотя бы ослабляет напряжение». И далее продолжает: «Время как множитель противоречий становится множителем проблем... Ненадежность схватывается путем расчета риска, подлежит предварительному учету, страхованию» [14. С. 494—496].

Ульрих Бек в своем «обществе риска» замечает, что с повышением уровня жизни вовсе не исчезает социальное неравенство. Напротив, с ростом автономии человека оно возрастает. Для человеческой биографии и идентичности старые образцы для подражания перестали быть достоверными и достаточными. В связи с этим У. Бек интерпретирует возрастающую неуверенность и безопасность человека как отсутствие жизненных ориентиров индивида на «пути в новый модерн». Амбивалентность процесса нарастания свободы модерна состоит в том, что индивидуализация, забвение традиции и плюрализм приветствовались большинством индивидов как увеличение их индивидуальной свободы. Однако, в то же время, все это интерпретировалось как «рискованные свободы», как отсутствие ориентиров и безопасности [10. С. 69].

В условиях антропологического кризиса в обществе риска «безопасность» на шкале ценностей вытесняет «свободу» и «равенство», лишая последних высшего приоритета. Семантика риска сегодня особенно актуальна и значима на языке техники, экономики, естественных наук, а также политики. Общественная драматизация рисков касается, прежде всего, таких естественных наук, как гуманистическая генетика, репродуктивная медицина, нанотехнологии, скорость развития которых далеко превосходит всякую фантазию.

В своей аналитике «мирового общества риска» У. Бек делает особый акцент на сравнении риска и катастрофы, настаивая на нетождественности их значений. Риск означает предвосхищение (Antizipation) катастрофы. Риски рассматриваются им как возможность будущих событий в их развитии, они переносят в настоящее то состояние мира, которого еще нет. В то время как любая катастрофа определена пространственно, темпорально и социально, антиципация катастрофы не имеет пространственно-временной и социальной конкретности.

Категория риска полагает, стало быть, бесспорную действительность возможности, которая должна быть отграничена как от возможности спекулятивной,

так и от случившейся уже катастрофы. В момент, когда риск становится реальностью — как, например, в случае со взрывом атомного реактора или теракта — риск становится катастрофой. Риски — всегда *будущие* события, которые нам предстоят как *возможные и угрожающие нам события* (курсив У.Б.). Однако поскольку эта постоянная угроза определяет человеческие ожидания, владеет сознанием и управляет нашими действиями, она становится тем самым политической силой, которая меняет мир [5. С. 29].

В своей книге об «обществе риска» У. Бек диагностировал «конец безопасности», поставив в центр внимания риски и последствия модернизации. Но что такое «безопасность» как понятие? Этот термин требует своего уточнения. Поиск безопасности относится к древнейшим человеческим стремлениям. Это порождало во все времена множество магических обрядов и прорицателей, которые якобы знали, что нужно признать верным, а что ложным.

Как базовая потребность человека безопасность рассматривается антропологией, психологией, биологией и относится к основным потребностям человека наряду с приемом пищи, сном и сексуальностью. В исторической и социально-философской перспективе безопасность понимается как концепт, который вмещает в себя целостность, сохранность, неприкосновенность, невредимость относительно телесности, жизни и собственности. Идет ли речь о поиске личной или коллективной безопасности, все это указывает на множество измерений данного феномена, что, в свою очередь, дает основание утверждать следующее: безопасность не является только лишь потребностью человека и общества, а представляет собой социокультурную систему ценностей. Это не означает, что безопасность является неким статичным концептом. Напротив, этот социальный конструкт есть исторически вариативная величина. В условиях современного антропологического кризиса безопасность стала основным ценностным понятием социально-политического языка [6. С. 50—51].

Философский поиск безопасности проводился на пути к истине, достоверности и определенности. Однако поиск достоверности и определенности — величайшее препятствие при анализе сущности рисков. Есть вещи, которые мы можем знать. Однако мы непременно должны знать и то, что мы знать не можем [7. С. 34]. Основная трудность при анализе рисков заключается в том, что риск находится между определенностью и неопределенностью.

Понятие «мировое общество риска» стало таким важным для осмысления причин и сущности антропологического кризиса человека, поскольку все более очевидной становится тенденция накопления рисков в различных сферах человеческой жизни. Переживаемые постоянно и повсеместно, риски вызывают три возможных реакции. К ним относятся *отрицание, апатия и трансформация*. Если *отрицание* является характеристикой культуры модерна, то *апатия* выражает себя в нигилизме постмодерна [5. С. 97].

Третья возможная реакция на риск — трансформация — образует «космополитический момент» мирового общества риска. Что под этим имеется в виду, У. Бек объясняет, ссылаясь на Ханну Арендт. Экзистенциальный момент опасности, в котором скрыта принципиальная амбивалентность глобальных рисков, открывает непреднамеренно и незаметно (не)счастье возможного нового начала.

Как можно и должно жить в тени глобальных рисков? Как можно вести жизнь [5. С. 97], если прежние гарантии либо уничтожены, либо предстают ложными? Ответ на этот вопрос Х. Арндт дает через тематизацию концепта нового начала. «Ожидание неожиданного» ведет к тому, что прежде очевидное и само собой разумеющееся не считается больше таковым. Рожденный опасностью шок требует нового начала, в котором открываются новые возможности, и люди могут расширить границы отношений друг с другом. Совместная активность «чужих» означает свободу. Свобода основана в этой способности человека к новому началу. Человек может действовать, проявлять инициативу, совершать новое начало. Чудо начала кроется в том, что каждый человек, пришедший в этот мир через рождение, сам по себе является чудом нового начала [1. С. 34].

Ханна Арндт пишет: «Политика основана на факте человеческого плюрализма», поэтому ее задача организовывать и регулировать совместное бытие людей с различными культурами, которые в политике встречаются как равные. Политика возникает не в человеке, а между людьми, точнее, между людьми, которые принадлежат различным культурным мирам и через свои действия создают совместное бытийное пространство. Причем действие и говорение являются такими бытийными началами, через которые происходит активное различение людей друг от друга, не только как биологических особей, а в силу их «вступления в явленность» — как факта нового рождения и ответственности. Уже само наше «начало» как приход в этот мир содержит в себе некий импульс инициативы действия [2. С. 230—234].

У. Бек отмечает, что республиканскую идею свободного нового начала Ханна Арндт видела воплощенной лишь в немногих моментах истории: в античном полисе, в американских отцах-основателях, — и продолжает свою мысль: «Я иду дальше в том, что делаю фокусом внимания космополитический момент мирового общества риска» [5. С. 98].

Для объяснения этого смелого тезиса У. Бек проводит различие космополитизма как «реальности» и как «максимы». В нормативном смысле (максимы) под космополитизмом имеется в *виду признание* (курсив У.Б.) культурной инаковости, причем как внутренней, так и внешней. Различия не выстраиваются по иерархическому принципу, они просто принимаются как данность с позитивной оценкой. Но что же в таком случае может объединять людей различной религии и национальности, людей, отличающихся своим социальным положением и перспективами будущего и настоящего, если не признанием? Ответ теории мирового общества риска гласит: травматическим опытом принудительного сообщества глобальных рисков, которые представляют угрозу для существования всех.

Мировое общество риска вынуждает человека на признание плюральности мира. Глобальные риски открывают моральное и политическое пространство, которое, несмотря на любые границы и противоречия цивилизаций и культур, должно объединяться ответственностью за Другого. Две стороны глобальных мировых рисков, как подчеркивает Ульрих Бек, — травматический опыт уязвимости всех и следующая из этого необходимость ответственности за другого, хотя бы ради собственного выживания. Он сформулировал два диаметрально противоположных высказывания: глобальные риски распространяют парализующие страхи.

Или: глобальные риски открывают новые пространства сотрудничества. Ни одно из них не является ложным, поскольку каждое ложно, точно так же как ни одно из них не является верным, поскольку оба правильны. Это и имеется в виду, когда Бек говорит об амбивалентности «космологического момента» мирового общества рисков [5. С. 110—112].

В этом же суть антропологического кризиса общества риска как в разорванности бытия, и в этом один из вариантов принятия этого кризиса как возможности соединения несоединимого.

© Ломако, О.М., 2019

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Arendt H.* Vita activa oder Vom tätigen Leben. München, Zürich, 2014.
- [2] *Arendt H.* Was ist Politik? München, 1993.
- [3] *Arendt H.* Zwischen Vergangenheit und Zukunft. München, Zürich, 2013.
- [4] *Beck U.* Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt/M., 2016.
- [5] *Beck U.* Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt/M., 2015.
- [6] *Conze E.* Sicherheit in der Risikogesellschaft // Humane Orientierungswissenschaft. Würzburg, 2008.
- [7] *Gigerenzer G.* Risiko. Wie man die richtigen Entscheidungen trifft. München, 2014.
- [8] *Honneth A.* Die zerrissene Welt des Sozialen. Frankfurt/M., 2013.
- [9] *Salamun K.* Wie soll der Mensch sein? / Philosophische Ideale vom "wahren" Menschen von Karl Marx bis Karl Popper. Tübingen, 2011.
- [10] *Schmidt-Semisch H.* Kriminalität als Risiko. München, 2002.
- [11] *Арендт Х.* Скрытая традиция: Эссе. М., 2008.
- [12] *Бек У.* От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 161—168.
- [13] *Ломако О.М.* Социальная философия Ханны Арндт: политика и этика // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 21—25.
- [14] *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории. (Sociale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie). СПб., 2007.
- [15] *Маркс К.* Философско-экономические рукописи 1844 г. // Маркс К. Из ранних произведений. М., 1965.

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73

ANTHROPOLOGICAL CRISIS IN THE RISK SOCIETY: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

O.M. Lomako

Saratov State University named after N.G. Chernyshevski
83, Astrahanskaya Str., Saratov, Russian Federation, 410012

Abstract. The article is devoted to the philosophical consideration of anthropological crisis in the risk society in his historical transformation. The research is aimed to anthropological analysis of the risk society in order to identify its new features in the modern era. As a methodological principle of research, the author

defines the distinction between anthropological and cosmological approaches in philosophy. It is about their complex relationships and contradictions in the development of the civilizational process. The anthropological crisis becomes apparent when society becomes a “society of risk” in the modern era. The article reveals the cause of the anthropological crisis in the risk society: the social production of wealth becomes the production of risks. In the XXI century there is a “world society of risk” (Ulrich Beck), which is associated with the process of globalization. The risk research methodology suggests the need to anticipate unpredictable. The main difficulty in risk analysis is that the risk is between certainty and uncertainty, between rational and irrational. Two main trends — the reflexivity of the unknown and the cosmopolitan moment — point to a global change in the society in the 21st century, whose priority is security. In the historical and social philosophical perspective, security is understood as a concept that encompasses integrity, inviolability, inviolability with respect to corporeality, life and property. In the context of the modern anthropological crisis, security has become the main value concept of the social political language. The logic of uniqueness gives way to the logic of ambiguity, which finds its expression in the connection of the risk society with the cosmopolitanism. The “cosmopolitan moment” of the world risk society presupposes recognition of the uniqueness of the Other as an opportunity to overcome the anthropological crisis.

Key words: anthropology, philosophy, Ulrich Beck, risk society, humanism, crisis, security

REFERENCES

- [1] Arendt H. *Vita activa or The active life*. Munich, Zurich; 2014. (In Germ).
- [2] Arendt H. *What is Policy?* Munich; 1993. (In Germ.).
- [3] Arendt H. *Between Past and Future*. Munich, Zurich; 2013. (In Germ).
- [4] Beck U. *Risk Society. On the Way to Another Modernity*. Frankfurt/M.; 2016. (In Germ).
- [5] Beck U. *World risk Society. In Search of the Lost Security*. Frankfurt/M.; 2015. (In Germ).
- [6] Conze E. *Security in the Risk Society. Humane Orientation Science*. Wurzburg; 2008. (In Germ).
- [7] Gigerenzer G. *Risk Savvy. How to Make Good Decisions*. Munich; 2014. (In Germ).
- [8] Honneth A. *The Torn World of the Sociality*. Frankfurt/M.; 2013. (In Germ).
- [9] Salamun K. *How Can a Person Be? Philosophical Ideal of a “Genuine” Man from Karl Marx to Karl Popper*, Tübingen; 2011. (In Germ).
- [10] Schmidt-Semisch H. *Criminality as a Risk*. Munich; 2002. (In Germ).
- [11] Arendt H. *The Hidden Tradition: Essays*; 2008. (In Russ).
- [12] Beck U. *From Industrial Society to Risk Society*. Thesis. 1994;(5). 161—168. (In Russ).
- [13] Lomako O.M. *Social Philosophy of Hannah Arendt: Political and Ethic Aspects. Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015; 15(3): 21—25. (In Russ).
- [14] Luman N. *Social Systems. Essay on the General Theory*. St.-Petersburg, 2007. (In Russ).
- [15] Marx K. *Philosophical and Economic Manuscripts of 1844*. Moscow; 1965. (In Russ).

Для цитирования:

Ломако О.М. Антропологический кризис в обществе риска: философский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 1. С. 66—73. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73.

For citation:

Lomako O.M. *Anthropological Crisis in the Risk Society: Philosophical Analysis. RUDN Journal of Philosophy*. 2019; 23 (1): 66—73. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73.

Сведения об авторе:

Ломако Ольга Михайловна — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (e-mail: olga-lomako@yandex.ru)